

GENIUS LOCI: АРКАИМ ИЛИ О ТИПОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВА
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОРОДА

Елена Милюкова

Помимо принципиальных размышлений В. Н. Топорова о парадигматичности понятия *дух места* для пространственных пределов городского урочища,¹ методологическим обоснованием включенности выражения *genius loci* в формулировку темы послужила позиция самих открывателей и исследователей Аркаима. Несмотря на то, что “синташтинское общество,² возможно, не имеет прямых аналогов”, как склонен думать автор уникального археологического открытия профессор Г. Б. Зданович,³ “проблема происхождения памятников синташтинского типа лежит за пределами археологического источника”, и, значит, “археологическое знание в его конечном виде относится к сфере имагологии”, т. е. именно к сфере “кросскультурных исследований”, когда “в процессе моделирования культура превращается в мысль о культуре”, базирующуюся на “концепте отражения”.⁴

В рамках нашей темы речь идет о своеобразном, как представляется, культурном слое, разведенном с синташтинской культурой во времени на

¹ См.: Топоров В. Н. Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд) // Ноосфера и художественное творчество. Москва 1991, с. 200-244.

² Синташтинский комплекс археологических памятников, включающий в себя поселение Аркаим, был открыт на Южном Урале в начале 70-х годов.

³ Зданович Г. Б. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тысячелетиях до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. Челябинск 1999, с. 43.

⁴ Зданович Г. Б. К проблеме происхождения памятников синташтинского типа (археологическое знание и имагология) // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тысячелетиях до н. э., с. 113.

4 тысячи лет и одновременно в координатах пространственной синхронности соотнесенном с этой протогородской цивилизацией Южного Урала. Исследователи Аркаима говорят о существовании здесь целой совокупности археологических доказательств информации, зафиксированной “Ригведой” и “Авестой”, что обеспечивает исследовательскую мысль “такими свидетельствами, которые можно с уверенностью назвать индоиранскими, если не индоевропейскими”.⁵

Известно, что арии поклонялись божественным близнецам: громовержцу Индре и танцующему на углях Агни. Они были не только воинами, кочевниками и земледельцами, но – будучи огнепоклонниками – ремесленниками и *металлургами*. Обобщая содержание статьи М. Бойма “Аркаим – город ариев”, следует отметить, что ее автор вплотную подходит к мысли о том, что арии вообще были, вероятно, первыми, кто выявил пространство Южного Урала как пространство *металла* и *металлургии*: “пришло время бронзы, и производство переместилось к залежам медных руд. Так был освоен Урал – *место*, самой природой предназначенное для развития металлургии. Странно, что за 4000 лет эксплуатации эта земля еще не истощилась”.⁶

Говоря о сырьевой базе древней металлургии меди, авторы работы “Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала” называют целый ряд мелких месторождений:⁷ рудники Таш-Казган, Никольский, Уш-Каттын, Бакр-Узяк, Бугодак, Каргалинский, Дергамышский и другие – все это территории, прилегающие к нынешнему Магнитогорску. В том же южно-уральском пространственном регионе, но ближе к Челябинску, находится и город Карабаш, который по сей день остается одним из старейших центров медной металлургии Южного Урала и где прошло раннее детство (от 3,5 до 6,5 лет) автора этих строк.

Жизнь города тогда, как и теперь, всецело определялась работой огромного *медеплавильного* комбината и городская территория по существу совпадала с заводским пространством – окна моей детской выходили на горы шлаковых отвалов. Выплавка металла на комбинате осуществлялась строго по расписанию, а его слив совпадал по времени с мо-

⁵ Джоунс-Блей К. Индоевропейский погребальный обряд, “Ригведа” и “Авеста”// Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тысячелетиях до н. э., с. 231.

⁶ Весь мир 1997. № 4, с. 106 (курсивы в цитатах мои - Е. М.).

⁷ Зайков В. В. - Бушмакин. А. Ф. Весь мир 1997. № 4, с. 106.

ментом отхода ко сну: гасили свет – и сквозь два высоких окна комнаты ежевечерне можно было наблюдать, как черное звездное небо над городом вдруг начинало менять свой цвет, приобретая сначала сероватозеленый оттенок, потом розовый становился интенсивнее, разгорался и густел, так что звезды почти совсем исчезали в этом небесном зареве. Белые стены комнаты, отражая происходящее, тоже как бы багровели, черные ‘клетчатые’ тени от рам медленно отделялись от оконных проемов и, описав окружность по стенам, не спеша возвращались на прежнее место. По завершении этого круга багровый цвет стен угасал, небесное зарево стихало – и ‘огненная мистерия’ прекращалась. Переживавшееся в те минуты состояние, вероятно, вполне могло бы иллюстрировать идеи Леви-Брюля о пралогическом мышлении, поскольку именно *мифологическим* было детское восприятие окружающего жизненного пространства – с отчетливым ощущением простирающейся над ним власти некоего *огненного духа*, который неукоснительно подтверждает эту свою власть, регулярно являя себя с наступлением ночи.

На фоне воспоминаний, ‘реконструирующих’ детские впечатления, связанные с территориями медной металлургии, реконструкции ее исследователей получают, возможно, ироническое звучание: “Археологические свидетельства говорят о ярком ритуальном характере культуры ‘Страны городов’. Вероятно, ее можно отнести к разряду ранних бесписьменных цивилизаций, для которых характерна сакрализация памяти и ее тесная связь с ритуалом... Культурные и этногенетические потоки, сконцентрированные на малой и плотно населенной площади..., дали тот необычайный взлет *мифологического мышления* и ритуальной деятельности, которые зафиксированы археологически в *поселенческой архитектуре*”.⁸

Говоря об архитектурном пространстве заводского южно-уральского города, следует заметить, что мои собственные детские впечатления отнюдь не были чем-то исключительным. Вот фрагмент из повести южно-уральских авторов, опубликованной в литературном альманахе Челябинского металлургического завода: “Алена подошла к окну. *Как всегда*, над заводом полыхало *заревое*. А за окном запели ветры и начиналась метель...на литейном дворе затишье, только все чаще и чаще *вздыхает домна*, и ее вздохи уносятся в *черное небо*”.⁹

⁸ Зданович Г. Б. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы., с. 43.

⁹ Турбал В. Подкорытов Ю. Сестра стальных великанов // Мечел. Проза, поэзия, публицистика: Совместное издание литературного объединения “Металлург”, клуба рабочих корреспондентов газеты “Челябинский металлург” и клуба само-

О том же самом, впрочем, можно и стихами:

Но признаться, -
хоть тут с основания
Городка я живу, -
по ночам
В небе я никакого сияния,
Кроме доменного,
не замечал...¹⁰

Фрагмент взят из стихотворения, опубликованного в сборнике “Поэты Урала”, вышедшем в Челябинске в 1954 году. В 1976 году на Урале выходит двухтомная поэтическая антология с тем же названием и, в целом, с тем же содержанием:

Вечерний лес.
Он за черту
Уходит – призрачен, огромен,
Но вот уже *сиянье домен*
Отодвигает темноту.¹¹

Металлургическая *печь*, таким образом, оказывается центральным понятием в комплексе парадигм, маркирующих пространство Южного Урала – и южно-уральского *города* в частности: “Медеплавильные печи строились *прямо в городе...* – пишет М. Бойм об Аркаиме. – Работали меха, и в середине печи повисал раскаленный белый шар огня... Огонь выжигал из руды комок меди. *Поэты*, наблюдая метаморфозы, пели гимны”.¹² “Вероятно, в этих условиях и были рождены древнейшие пласты ‘Ригведы’ и ‘Авесты’”, - резюмирует Г. Б. Зданович.¹³

Очевидно, что исследователи Аркаима в данном случае также ведут речь о ‘поэтах Урала’ – если оглядываться на название упомянутых поэтических сборников. И это дает корректный повод описать несколько подробнее тот ‘пространственно’ соотнесенный с Аркаимом и вступающий с ним в ‘кросскультурный’ диалог культурный слой, представляющий

деятельной песни “Нерв” ДК и Т ЧМК. Челябинск 1994. Челябинск 1993, с. 67-68.

¹⁰ Ружанский Е. Северное сияние // Поэты Урала. Челябинск 1954, с. 69.

¹¹ Найдич М. В горах Урала // Поэты Урала. Т. 2. Свердловск 1976, с. 255.

¹² Весь мир 1997. № 4, с. 106.

¹³ Зданович Г. Б. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы, с. 43 .

собой достаточно широкий круг текстов (отдельные фрагменты которых были уже приведены), объединенных общим наименованием “муза в рабочей спецовке”. Местом обитания этой музы в ее лучшие времена (начиная с 30-х годов и на протяжении всей советской эпохи, особенно же с середины 50-х) служил, как правило, заводской Дворец культуры – пространство, несмотря на свое название, весьма демократичное, поскольку туда на занятия заводского литкружка или литобъединения приглашались через регулярные объявления в многотиражке *все* желающие.

Любопытно, что и исследователи Аркаиима подчеркивают *эгалитарный* характер синташтинского социума, задаваясь при этом вопросом о правомерности приложения понятия город к археологическим памятникам ‘Страны городов’.¹⁴ Как ни странно, но для огромных индустриальных центров Южного Урала, таких, как Магнитогорск и Челябинск, вопрос об адекватности города самому себе так же актуален. Известный на Южном Урале историк и краевед В. С. Боже, например, соотносит Челябинск с *населенным пунктом*, поскольку считает его городом с “еще не сложившимся историческим самосознанием горожан”,¹⁵ связывая причины таковой ментальной реальности с тем, что Южный Урал на протяжении всей своей истории оставался пространством глобальных миграционных процессов, и здесь не сложилось коренного населения.

Эта позиция близка точке зрения другого исследователя южно-уральской городской культуры К. А. Шишова. ‘Симптоматично’ именуя Магнитогорск *Металлоградом*, он задается вопросом: “Какая, казалось бы, история у полвекового Металлограда, где все – на памяти одного поколения? В поездах, подъезжающих к городу, можно услышать почти мифические истории о тех временах, когда вокруг водились в изобилии полупудовые птицы дрофы, жирные и глупые, которых можно было бить палками”.¹⁶

В этой ситуации литературное творчество рабочих становится для города-завода компенсацией отсутствующего исторического самосознания и актом культурно-пространственной самоидентификации, а именно:

¹⁴ См.: Григорьев С. А. “Протогородская цивилизация” и реалии синташтинской культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тысячелетиях до н. э., с. 107-110.

¹⁵ Боже В. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.). Челябинск 1995, с. 7.

¹⁶ Шишов К. А. Иду по земле: Новеллы и эссе. Челябинск 1981, с. 9.

Я живу на Урале,
 В городище *железном*
 Здесь прописку мне дали,
 Посчитали полезным...¹⁷

В этих строках поэта-металлурга и “пространство металлургии” (т. е. Урал – по определению М. Бойма) и само *городище* – как и 4 тысячи лет назад – репрезентируют себя в *металле*. Выявленная ариями локальная почвенная константа у заводских поэтов фиксируется в рифме и таким образом осознается имплицитированной топосу: “*Металл*, – замечает К. Шишов, – как известно, рифмуется с *Урал*. Это такая же неразлучная рифма, как пресловутые *розы – морозы* или *кровь – любовь*”.¹⁸

Урала не узнаешь за неделю.
 Не сразу можно полюбить *Урал*
 С его огнем мороза и метелью,
 С его цехами, где *гремит металл*...¹⁹

Гром, гул и звон металла – регулярное акустическое ‘сопровождение’ слагаемых в его честь поэтических ‘гимнов’, авторам которых, по характеру профессиональной деятельности ежедневно принимавшим реальное участие в поддержании милитаристски ориентированной экономики страны, вряд ли было что-либо известно о божественном и весьма воинственном громовержце древних ариев. Тем не менее происхождение *грома* и *гула* устойчиво осознается *небесным* или *космическим*. С этой точки зрения Урал видится *планетой* [“*Планета* моя, / ты зовешься Уралом. / Тебя узнаю по *звону* металла” – пишет Тихон Тюричев в стихотворении “Под *небом* уральским”²⁰], а *небесный гул металла* доминирует среди всех прочих звуков города:

Милый город полон *звуков*,
 Каждый звук – воспоминанье:
 Там – шаги детей и внуков,
 Там – любовные признанья.

¹⁷ Богданов В. Я живу на Урале // Богданов В. Возвращение. Москва 1997, с. 18.

¹⁸ Шишов К. А. Этот город, знакомый до камня // Каменный пояс. Челябинск 1975, с. 326.

¹⁹ Кугов Н. Урала не узнаешь за неделю // Поэты Урала. Челябинск 1954, с. 35.

²⁰ Тюричев Т. Под небом уральским // Каменный пояс: литературно-художественный альманах. Челябинск 1983, с. 100.

Но Магнитка выростала
 В колыбельной песне домен,
 И небесный гул металла
 Уважаем в каждом доме.²¹

“Почти в каждом доме обнаружена металлургическая печь” – читаем о внутренней планировке южноуральского города эпохи бронзы в работе Г. Б. Здановича и И. М. Батаниной “Укрепленные центры ‘Страны городов’ южного Зауралья”.²² “Металлургическое производство имело характер домашнего промысла, плавка руды велась в каждом жилище” – подтверждается в исследовании С. А. Григорьева “Протогородская цивилизация» и реалии Синташтинской культуры”.²³

Будучи осмыслена заурядным компонентом городского быта и в ‘гимнах’ заводских поэтов [“У нас теперь не счесть печей, товарищ дорогой” – констатирует рабочий поэт К. Мурзиди],²⁴ домна исчерпывает собою локальные представления о доме вообще: “Ну, печь не печь, больше на дом походит, только громадный. Поэтому и называется эта печь – доменная” – объясняется в сказке Владимира Турбала “Секреты тяжелого камня”.²⁵ Раскрывающаяся здесь в виде анаграммы внутренняя форма слова домна своеобразно свидетельствует о мифологическом акте ‘поглощения’ традиционного пространства человеческого дома металлургической печью. С этой точки зрения видятся озаренными ею изнутри окна ‘громадного’ дома, каковым предстает город-завод, где металлургическое производство - да - имеет “характер домашнего промысла”:

Милый город полон цвета:
 Синий, желтый и зеленый,
 Но сверх этого полвека
 Озряют окна домны
 (...)

²¹ Дышаленкова Р. Милый город полон звуков... // Рабочее созвездие: Стихи. Донецк-Челябинск 1981, с. 81.

²² Зданович Г. Б. - Батанина И. М. Укрепленные центры “Страны городов” южного Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тысячелетиях до н. э., с. 211.

²³ Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тысячелетиях до н. э., с. 108.

²⁴ Мурзиди К. Урал-река, с. 84.

²⁵ Турбал В. Секреты тяжелого камня. Сказка // Мечел. Челябинск 1994, с. 20.

Но от старенькой спецовки,
 Но от орденов степенных
 Пробивается *отцовский*
 Запах *домен* и *мартенов*...

завершает Р. Дышаленкова свой ‘гимн’ *домне*, имея в виду и собственную биографию тоже.

Создается впечатление, что сказанное археологами в отношении синташтинской культуры – “мы не можем выделить ни одного городища, в чем-то принципиально отличного от других”,²⁶ – в *пространственных пределах* ‘Страны городов’ не имеет *временных* ограничений.

Несмотря на ‘научное мировоззрение’ новых времен, *металлургическая печь* устойчиво мыслится *сакральным центром* локальной картины мира:

Стоим – и нас охватывает *тайна*
 Вступившего в реакции *огня*.
 Я с ним *навек* сроднился не случайно -
 Он и в *печах* и в сердце у меня,²⁷

строки, возникающие в результате ‘наблюдения’ тех самых “метаморфоз”, (по выражению М. Бойма), которые вдохновляли поэтов Аркаима еще 4 тысячи лет назад. В качестве сакрального центра *домна* естественным образом оказывается одновременно и культовым *местом*: “какой восторг испытывали... товарищи, впервые увидевшие работу *огнепоклонников*” – восклицает челябинский писатель Александр Шмаков.²⁸ *Огнепоклонниками* называла советская поэтесса Л. Татьяничева обитателей южно-уральских пространств,²⁹ постигших *тайну* сталеваренья – магического акта, неизбежно венчаемого явлением самого *огненного духа*, когда

... из *ярких печей*
 на *оранжевых лапах* выходит

²⁶ Григорьев С. А. “Протогородская цивилизация” и реалии синташтинской культуры, с. 109.

²⁷ Тюринчев Т. Огонь // Лицо души. Челябинск 1980, с. 50.

²⁸ Шмаков А. Маршрутами пятилетки // Каменный пояс. Челябинск 1974, с. 168.

²⁹ Л. К. Татьяничева – ответственный секретарь Челябинской писательской Организации (1943 - 1953 гг.).

с *огневою* короной
уральский металл.³⁰

Подобно божественным близнецам древних ариев, *гремящий металл* и *огонь*, ‘навечно’ связанные уральскими поэтами в метафорический узел “*железное пламя Урала*” предстают, таким образом, своего рода эквивалентной парой, выступающей ‘объектом’ культового поклонения.³¹

“Культовое место как проявление сакрального пространства отличается определенными признаками”, вторая позиция среди которых – “местонахождение на господствующей высоте”, - полагает казахская исследовательница Э. Усманова.³² В текстах уральских рабочих литераторов один из древнейших горных массивов планеты естественным образом аллегорически репрезентирован *горой*. В контексте уральского пейзажа *металлургическая печь* пространственно совпадает с данной аллегорией:

Спокойно дышат у *горы*
Завода
Огненные печи.³³

Таковые пространственные реалии *культового места* влекут за собой выявление *архетипического* содержания данной аллегии, а именно осознание ее в качестве *горы мира*, пронзенной, как известно, *мировой осью* – в нашем случае это тоже, естественно, *металл*:

Тот, кто выстоит смены *вот здесь*,
На земле утверждается прочно.
... Если *ось мировая* и есть,
То *железная* -
Это уж точно!³⁴

Вне зависимости от того, *справа* или *слева* располагается *металлургическая печь* в конкретной пейзажной зарисовке, но именно в *этом*

³⁰ Куницын А. Железный камень // Рабочее созвездие, с. 84.

³¹ Богданов В. Начало биографии // Возвращение. Москва 1997, с. 104.

³² Усманова Э. Сакральный архетип “мировое древо” в погребальном обряде андроновских племен // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тысячелетиях до н. э., с. 250.

³³ Люгарин М. Признание юбиляру // Рабочее созвездие, с. 86-87.

³⁴ Куницын А. Земная ось // Цит. по изд.: Маршалов Б. П. Поэтической строкой. Челябинск 1986, с. 244.

сакральном месте – *вот здесь*, по слову поэта, – происходит смыкание огненных небес с землею:

Слева, у самых *гор*,
Где *звезда* украшает копер,
Стройка высится
Шахты, цеха ли;
Справа – *домна*,
да в небе – *костер*.³⁵

В качестве проекции отмеченного *звездой* центра Вселенной *металлургическая печь* осознается поэтами-огнепоклонниками святилищем и земным *домом небесного огня*, а *небеса* (по слову Р. Дышаленковой, прозванной в Магнитке “мудрая Римма”) – *колыбелью города*.

“Если вы представите себе мандалу..., вы получите почти точный план города. Мандала в переводе означает – платформа мироздания, иерархия космических сил. Глядя на город с высоты, понимаешь – и вправду платформа” – говорит М. Бойм о запечатленном аэрофотосъемкой взгляде на Аркаим.³⁶ Фиксируемая в структуре поселений соляного типа иерархия космических сил опять-таки своеобразно подтверждается у заводских литераторов. Маленькая героиня повести-сказки В. Турбала и Ю. Подкорытова “Сестра стальных великанов” спрашивает своего деда, старого металлурга, почему все называют его “мастером солнечных дел”? Ответ звучит следующим образом: “Да ведь, почитай, всю жизнь *при солнышке* состою. *Службу нес*у”. Внучка возражает: “Ну, скажешь? Как же ты можешь при солнышке состоять, если оно вон где. Туда даже ракеты не посылают”. “А в *печи-то* чем не *солнце*? – настаивает дед. – Родни родней. Как загудит, засверкает – удержу нет. Только *мастеров своих* и слушает”.³⁷

В статье “К семиотическому изучению культурной истории большого города” Вяч. Вс. Иванов, говоря в частности о культуре Непала, утверждает, что “понимание города как священного образа Вселенной до сих пор распространено” и что внешний круг мандалы маркируется охранительного содержания *восьмеричной* символикой, ориентированной по

³⁵ Ружанский Е. Северное сияние // Поэты Урала. Челябинск 1954, с. 69.

³⁶ Бойм М. Аркаим – город ариев // Весь мир 1997. № 4, с. 105.

³⁷ Мечел. Челябинск 1993, с. 57-58.

сторонам света.³⁸ В. Н. Топоров, констатируя изменения функций *Агни* в эпический период ведийской и индуистской мифологии, замечает, что этот древний бог огня, домашнего очага и жертвенного костра становится “одним из четырех или *восьми* хранителей мира” и что “ему отдается во власть юго-запад, иногда и *восток*”.³⁹

В пространственных координатах Урала этот вектор несколько уточняется. Указывая в направлении ‘Страны городов’, он отсылает нас на *юго-восток*:

Над тьмой закатов и ночей
Здесь - вечная заря.
Здесь *восемь* огненных печей,
Как *восемь* солнц,
Горят, (...)

пишет рабочий поэт Александр Терентьев.⁴⁰

Научно-технический прогресс и совершенствование процесса выплавки металла не в состоянии помешать *духу места* с последовательной устойчивостью напоминать о себе: “Вместо электродов наверху печи появилось причудливое сооружение – так называемый плазмотрон. Замысловатый, с никелированными отростками, шлангами, он чем-то напоминал *многорукое индийское божество*. С *благоговением* взирали цеховики на это чудо, *преклоняясь* перед сложностью и *загадочностью* научного детища”.⁴¹

³⁸ См.: Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. Вып. XIX. Тарту 1986, с. 7-24.

³⁹ Топоров В. Н. *Агни* // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Москва 1991. Т. 1, с. 36.

⁴⁰ Терентьев А. На главной улице завода... // Лицо души, с. 92.

⁴¹ Писанов Л. Укрощение плазмы // Каменный пояс. Челябинск 1978, с. 126.

